

Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки развития правового дискурса

К.Х. Рекош

Искусства словесности Древней Греции демонстрируют в V в. до н.э. размежевание дискурсов и предстают как предпосылки риторики, которая маркировала институциональную дифференциацию речей и привела к правовому дискурсу. Смысл нижеследующего анализа в том, чтобы показать взаимоувязанность, взаимообусловленность искусств словесности как предшественников риторики. Софисты своим примером подтвердили дихотомии высказываний, и хотя они не создали искусства красноречия, все же проложили путь к риторике, заложили основы изучения языка, вычленив его из логоса, а также способствовали разработке техники составления судебных речей, то есть правового дискурса. Критикуя софистов, используя их положительные приемы, Сократ, Платон, а позднее и Аристотель определили направление движения риторики не как практического красноречия, а главным образом как методологии наук и искусств.

Истина не нуждается в доказательстве, остается неизменной, изменяется наше мнение, суждение о ней. Как известно, объект предстает всякий раз в зависимости от нашего взгляда на него. Хотя в развитии дискурса западной традиции права словесность Древней Греции сыграла основополагающую роль, она стала тем не менее предметом изучения главным образом философов и филологов и в меньшей степени юристов, а пальма первенства в развитии западной традиции права отданы не Греции, а Риму.

Анализ истоков дискурса западной традиции права будет неполным без изучения искусств словесности Греции V в. до н.э., хотя право Древней Греции признается «ускользающим», «правом без юристов». Началом западной традиции права считается римское право, возникновение которого, по легенде, принято относить к 304 г. до н.э., когда писец Гней Флавий опубликовал календарь присутственных и неприсутственных дней и судеб-

ные формулы (*jus flavianum*), скрываемые жрецами-понтификами.

Подтверждая первенство Древней Греции, следует отметить признаваемую уже в античности бедность латинского языка по сравнению с греческим, а значит, недостаточную развитость и правового дискурса в античном Риме. Римский поэт и философ Тит Лукреций Кар (99 – 55 гг. до н.э.), автор поэмы «О природе вещей», о латинском языке пишет следующее: «А нам передать это слово не позволяет язык и наречия нашего скудость». Выражение «наречия нашего скудость» повторяется в Книге третьей (260)¹.

Институции и Дигесты Юстиниана показывают, что юристы Рима восприняли идеи греческого мировоззрения, опираются на философско-этические принципы, разработанные в Греции, хотя специально их не эксплицируют. Несмотря на тесное взаимодействие греческой и латинской культур не все юристы признают за

Рекош Карина Хаджиевна – к.филол.н., доцент кафедры французского языка №1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: karinarekosh@mail.ru

Древней Грецией первенство в развитии западной традиции права. Слова, оканчивающиеся на – ике (диалектике, эриктике, софистике), в сочетании со словом искусство (техне) являются прилагательными в греческом языке, в наше время в русском и французском языках они стали самостоятельными существительными. Изучаемые явления и соответственно значения терминов постоянно изменяются даже в пределах ограниченного периода, но при этом на фоне некоторой преемственности и протяженности. «Есть ведь какая-то удивительная связь и последовательность в предметах, так что, видимо, они взаимно переплетаются и все между собою соединены и связаны», – утверждает Цицерон².

«Логос» по-гречески – это речь, слово, понятие, смысл, рассуждение (нет значения язык). Как из логоса формируются такие разные смыслы, в какой последовательности они появлялись, это, без сомнения, имеет значение. V век до н.э., когда проза оказалась на первом плане, сменив поэтику, она стала публичной, институализированной. Этому способствовали четыре словесных искусства Древней Греции, их истинная значимость может быть выявлена при рассмотрении их взаимосвязи, взаимообусловленности, соположенности друг с другом. Только вместе в их эволюционной перспективе они дадут возможность адекватно описать особенности дискурса.

Эристика – диалектика

В период оро-акустической культуры ведение споров и бесед было распространенным явлением. Эристика³ – это искусство ведения спора, полемики, ставившее цель выигрыша в споре практически любой ценой. Эристика особенно была развита в Мегарской школе, основателем которой был Евклид, а ее представители назывались эриктиками. Мегара была центром оппозиции против Афин⁴. Различая разные градации спора⁵ – мягкий спор, диспут, грубый спор и диалектику, – Сократ противопоставляет эристические рассуждения диалектическим.

В отличие от эриктики диалектика – это тоже спор, но с целью нахождения истины через раскрытие противоречий в высказываниях противников. «Того, кто умеет ставить вопросы и давать ответы, мы называем диалектиком»⁶. Изобретателем диалектики Аристотель назвал учителя Демокрита Левкиппа. В диалоге Филеб⁷ Сократ говорит: «Все, в ком есть хоть немного ума, считают познание бытия, подлинного и вечно тождественного по своей природе, гораздо более истинным». То есть диалектику он связывает с истиной. В диалоге Менон⁸ Сократ определяет проблему спора, спрашивая, какова цель спора: спор ради спора, ради выигрыша спорящего или ради отыскания истины, что как раз и отражает сущность исследуемых искусств словесности.

Благодаря математическому методу многократного разбиения целого на две части, данный метод приводил к отысканию и объяснению понятийных дихотомических пар. Именно поэтому мы выявляем в диалогах Платона оппозиции: знание –

мнение, благо – зло, истинность – ложность, справедливость – несправедливость, наука – искусство, теория – практика. Иногда Сократ спрашивает, являются ли некоторые понятия действительно противоположенными. Например, является ли мнение действительно оппозицией или оно лишь промежуточное звено в триаде: знание – мнение – незнание. Приводимые оппозиции различаются по своей противопоставленности (употребительность метода отражена в четырех терминах: дихотомия, антиномия, антитеза, антитезис (pro et contra в Риме). На оппозициях основывается юридическое рассуждение и в наше время.

Диалектика

Для Платона диалектика – это метод приобретения знаний путем диалога, вопросов и ответов. Зенон был первым, кто стал употреблять диалогическую форму. Диалог ведется так, чтобы утверждающий впал в противоречие с самим собой. Форма диалога используется и в наше время, например Хайдеггером: в понятии интерактивности. Принцип диалога, диалогических отношений как принцип взаимодействия лежит в основе лингвистической теории речевой деятельности, которую разрабатывали М. Бахтин и другие философы

Сократовский метод вопросов и ответов имеет целью установить общее родовое понятие и частное. Этот метод заставляет собеседника убедиться в несостоятельности своих выводов. В «Государстве» Платон пишет: «Никто не докажет нам, будто можно сделать попытку каким-нибудь иным путем последовательно охватить все, то есть сущность любой вещи, ведь все другие способы исследования либо имеют отношение к человеческим мнениям и вожделениям, либо направлены на возникновение и сочетание (вещей) или же целиком на поддержание того, что растет и сочетается». «Конечно, ты называешь диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи». Системность, целостность подхода отражена в следующем утверждении Платона: «У кого началом служит то, чего он не знает, а заключение и середина состоят из того, что нельзя сплести воедино, может ли подобного рода несогласованность когда-либо стать знанием?» Лишь диалектический метод придерживается правильного пути⁹. Познание, размышление, вера, уподобление – это разделы диалектического метода. В своем последнем произведении Платон выступил против диалектики, заменив ее математикой и астрономией.

Искусство диалектики Сократ называет «майевтикой» – «искусством повивальной бабки», которое он, по его словам, унаследовал от своей матери: «искусством помогать мысли, уже содержащейся в самом сознании каждого человека, появляться на свет». Сократ держится при этом вопрошающе, поэтому такой метод вопросов и ответов был назван сократовским методом. Но в этом методе содержится больше, чем обыкновенно дается в вопросах и ответах¹⁰. Итак, это искусство выводит молодых людей на истину, подобно повивальной бабке, помогающей родить человека. В то же время

в последнем абзаце диалога Теэтет Сократ называет свои беседы-диалоги упражнениями¹¹. (Современный французский философ П. Адо также считает диалоги Платона упражнениями для обучения технике рассуждения.)

Диалектический метод использует приемы других искусств. В главе одиннадцатой трактата «О софистических опровержениях»¹² Аристотель утверждает, что диалектика – это искусство испытания, «тот, кто на самом деле исследует общие (всем начала) есть диалектик, а тот, кто делает это лишь по видимости, – софист. Эристическое и софистическое умозаключение – это, во-первых, мнимое умозаключение относительно того, чем занимается диалектика как искусство испытания, даже если заключение истинно, ибо оно обманчиво в отношении причины». Эристическое заключение мнимое, даже если оно построено правильно. Один и тот же довод может быть софистическим и эристическим, «но не для одного и того же: эристический – ради мнимой победы, софистический – ради мнимой мудрости». Здесь противопоставляются истинное и мнимое, а в более широком плане – цели и результаты.

Дальнейшим развитием диалектики как метода познания была описанная Аристотелем силлогистика, при этом диалектика у Аристотеля получила определение уже как учение о вероятном, а не об истине, ибо диалектический силлогизм строится из вероятных суждений. Вопрос об истине будет ключевым по отношению к судебному процессу, особенно в более поздние периоды, когда он будет противопоставлен «правдоподобию». Силлогизм, строящийся на аксиоматических достоверных посылах, называется аподиктическим. Таким образом, в небольшой промежуток времени – от Сократа до Аристотеля – мы уже видим изменение значения слова «диалектика».

В качестве дальнейшего развития диалектики (в значениях, близких к первоначальному) в трудах философов Нового времени для целей данного исследования следует упомянуть работу А. Шопенгауэра «Эристическая диалектика»¹³. Он представляет диалектику «искусством оставаться правым». «Нужно строго разграничивать изыскание объективной истины от искусства придавать своим положениям видимость истины». «Ибо если мы поставим себе целью чистую истину, то мы возвратимся к простой логике; если, напротив, мы поставим целью проведение ложных положений, то у нас получится чистая софистика». Для него эристическая диалектика – это «искусство духовного фехтования с целью остаться правым в споре», независимо от истинности или ложности положений.

Софисты прибегают ради победы к словесным ухищрениям, а не к поиску истины. Этот древний спор так и остался нерешенным в праве, в суде часто не удается найти истину, поэтому ограничиваются правдоподобием. Как не решен и вопрос о добродетели, при этом у судьи своя, у адвоката своя, у прокурора своя добродетель.

Хорошо ли это или плохо, решает этика. Этически справедливость должна быть одна, и хотя истину доказывать не надо, в суде однако приходится.

Диалектика, которую Платон называет царским искусством, – это искусство управления познанием в стремлении к высшему благу. Он выстраивает свои рассуждения в виде пирамиды, на вершине которой находится благо как телеологическое понятие. Он демонстрирует стремление определить это понятие, комбинируя его из нескольких частей: «Итак, если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймаем его тремя – красотой, соразмерностью и истиной. Сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благости самая смесь становится благом»¹⁴. В этом случае выделенные понятия используются в отношении познания.

Для нас поучителен прием построения понятия «благо» из нескольких элементов. Диалектика в этом смысле экстраполируется на управление вообще, в том числе и государством. Таким образом, метод познания заключается, как мы видели, в разложении на составляющие элементы (анализ) и в соединении их вместе (синтез), в том числе и в разных комбинациях ради достижения цели – познания истины. Обратим внимание на этот описанный Платоном (пирамидальный, иерархический) тип рассуждения, ибо таким образом действительно выстраиваются иерархия и пирамида ценностей и целей в правовом дискурсе.

Подобно эристикам цель, выигрыша в споре любой ценой ставили и софисты.

Софистика в конце V в. до н.э.

Сначала софистами называли людей, искусных в какой-либо премудрости (например, Геродот называл софистами Солона и Пифагора). С.Н. Трубецкой писал, что до появления софистов философы искали истину в тесном кругу друзей и не стремились к публичности, к распространению идей. Софисты же сделали ремесло из мудрости. И действительно, в конце V века до н.э. значение этого слова сузилось: софистами стали называть учителей мудрости, поэтов и мудрецов. В V в. до н.э. в Греции наемные преподаватели мудрости популяризировали научные знания, преподавали грамматику, философию и риторику. В противовес прежним философам, диалектикам, которые занимались только поиском истины, софисты путешествовали, предлагая за плату свои услуги, организуя публичные выступления, демонстрировали свое искусство красноречия, привлекая к себе внимание, в том числе и необычными одеяниями: одевались в пурпур, подобно поэтам и аздам. Они торговали своей мудростью.

Слово «софист» происходит от прилагательного *sophos* «мудрый» *sophisomai* – выдумывать, мудрствовать. Софистами называли и великих поэтов, и философов, и музыкантов, и семь мудрецов. Позднее слово «софист» приобрело несколько неодобрительный оттенок, с недоверием стали относиться к философам-натуралистам.

Греки не испытывали большого уважения к ремесленникам. По свидетельству Геродота, пренебрежение к ремеслам греки унаследовали от египтян: в Фивах был закон, позволявший избирать на должность лиц, 10 лет не работавших в торговле. Общественным уважением пользовалось лишь небольшое число ремесел. «Применение умственного труда в пользу другого, который вознаграждался платой, считалось особенно унижительным. Это было как бы добровольным рабством. Специальность составителя речей или адвоката при самом возникновении своем подверглась насмешкам в комедиях, не меньшим, чем софисты»¹⁵. Известно, что, получая гонорар после открытия им школы ораторского искусства, Исократ плакал от стыда. В противовес софистам Сократ денег за обучение не брал. Софист Горгий, ученик Эмпедокла, относящийся, как и Протагор, к старшему поколению софистов, брал огромные деньги за обучение.

Эмпедокл из Сицилии считается основателем софистической философии, он же основал риторику. Как сообщает Марк Туллий Цицерон в трактате «Об ораторе», в Дельфах ему была поставлена золотая статуя. Такое разное отношение провоцировало среди самих софистов зависть и соперничество, что не способствовало их доброй славе. Аристотель, подробно описавший исследуемые словесные искусства в своих сочинениях, соглашается с некоторыми приемами софистов. «Что касается шуток, которые, по-видимому, занимают некоторое место в прениях, то, как говорит Горгий, следует серьезность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьезности»¹⁶, – утверждал мыслитель, но в то же время называет софистику коварной.

Платон особенно критикует не старших софистов, а скорее софистов-эристов, которые были учениками Сократа или учениками его учеников. Данный термин представляет интерес, так как отражает эволюцию значения софист, а также сочетаемость этих искусств словесности в разных конфигурациях. Деятельность софистов-эристов привела к тому, что термин «софист» приобрел отрицательное значение, а так как несведущие люди не очень хорошо понимали различия, софистом называли и Платона, и Аристотеля, и Сократа, «софистом обозвал Лукиан и основателя христианства»¹⁷.

На искусство софистов, на их языковую технику оказало особое влияние следующее высказывание Протагора: «О всякой вещи существуют два противоположных утверждения» (это высказывание оказалось полной противоположностью господствовавшей тогда мысли о том, что двух мнений относительно одной и той же вещи утверждать невозможно), при этом утверждений может быть очень много. Иллюстрацией этой идеи являются Антилогии Протагора – противоположные доводы в отношении одной и той же темы, которые сходны с приемами убеждения. На основе постулата Протагора искусство ораторов определялось как умение «возбудить борьбу двух речей из всякой вещи». Диалектика Зенона и Сократа, которую представляли «сократические мегарики, была,

по-видимому, чужда Протагору. Его диалектика была более риторического характера»¹⁸.

Диалектический (перекрестный) метод ведения беседы Сократом, который состоял из коротких вопросов и ответов, имевших целью запутать противника и привести к противоречию с самим собой, отличался от метода Протагора, практиковавшего длинные речи, следовавшие одна за другой, которые составляли основу его искусства спора. На это ссылался Сократ во время процесса над ним, сообщив, что он не искусен в длинных речах. Это означает, что он не выполнил риторических требований, существовавших в судах того времени. И, может, это было одной из причин, по которой он проиграл процесс. В Горгии Сократ говорит о том, что произошло бы, если бы ему было предъявлено обвинение, как бы он защищался в суде¹⁹: он не убождает собеседника, говорит ради высшего блага (словно объясняет, почему в результате проиграл процесс). Здесь важен вопрос Калликла: неужели человек «так беззащитен в своем городе и не в силах себе помочь»? Имеется в виду помочь себе словом. На этот вопрос цивилизация ответит развитием способов и типов рассуждения, в том числе и юридического.

Диалектический метод отличается от силлогистического тем, что силлогизм – это краткий путь доказывания (Аристотель), а диалектика – долгий путь. Во время судебного процесса Сократ говорит о том, что он смог бы доказать свою правоту, но для этого необходимо много времени, он имел в виду диалектический способ убеждения с помощью вопросов и ответов, в котором он был искусен.

Релятивизм софистов выражен в основополагающих словах Протагора: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют»²⁰. Это давало возможность обо всяком предмете иметь противоположные друг другу антиномические суждения. Итак, для софистов, говоря словами С.Н. Трубецкого, «истины нет, знания нет, есть только мнения и убеждения»²¹.

В диалоге Федр Сократ говорит, что софисты «силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое – малым, новое умеют подать по-древнему, а противоположное – по-новому»²². Основываясь на таких идеях, как: «Ты как таковой одновременно и существуешь и не существуешь в одном и том же отношении», в диалоге Евтидем софист Дионисидор говорит: «Что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут»²³.

Как говорил Сократ, софистическое искусство очень древнее, но, опасаясь враждебности, мужи скрывали его – одним служила прикрытием поэзия Гомера, Гесиода, другим таинства и прорицания как ученикам Орфея и Мусея, а некоторым даже гимнастика, а также и музыка²⁴.

Показывая двойственность красноречия, его «угодливость, постыдное заискивание перед народом», с одной стороны, а с другой стороны, «попечение о душах сограждан, бесстрашную защиту самого лучшего, нравится это слушателям или нет», Сократ отмечает, что хотя речей, делающих

человека лучше, никто не видел, «речи достойного человека всегда направлены к высшему благу»²⁵.

Он, таким образом, определяет этическую цель речей, сравнивая порядок и слаженность в душе с законностью и законом, «через них становятся люди почтительны к законам и порядочны, а это и есть справедливость и воздержность». Красноречие спасает человека в судах, однако Сократ отличает истинное красноречие от лъстивого²⁶.

Резко отрицательное отношение Сократа и Платона к софистам выражено в многочисленных диалогах. Как пишет С.Н. Трубецкой²⁷, своим равнодушием к истине софисты внесли скептическую струю в свое философское убеждение. Для них «знание – это не что иное, как ощущение»²⁸. Платон показал бессмысленность софистического спора, исходящего из ложного основания. Исходя из того, что «правильное мнение и знание – вещи разные»²⁹, Сократ считал, что только истинное мнение, как и разум, ведет к правильным действиям. «И хорошо, и полезно то, что правильно руководит нами», а это истинное мнение и знание. В связи с этим Сократ утверждал: «По-моему, нет для человека зла опаснее, чем ложное мнение»³⁰.

Многие диалоги с софистами нацелены на обсуждение философско-правовых вопросов. В греческих представлениях о законе, государстве, политике совмещались религия, нравственность, этика. Олицетворением этих представлений, как пишет С.Н. Трубецкой³¹, было «понятие о таком законе, представление о вечной правде, которую блюдут, которая царствует в мире, пробуждается до начала всякой философии».

В Древней Греции наблюдается некоторая зависимость между законами общества, государственным устройством и развитием словесности, о чем пишет Цицерон, указывая, что там, где религии становится меньше, соответственно права больше. Это подтверждается, например, следующим заявлением Сократа: «Лакедемон (Спарта) имеет хорошие законы, а в государствах с хорошими законами выше всего ценится добродетель». При этом «изменять законы и воспитывать сыновей вопреки установившимся обычаям несогласно у лакедемонян с заветами отцов», «у них несогласно с законами» давать чужеземное воспитание и поэтому, по объяснению Гиппия, софисты там не пользовались успехом. Законы устанавливаются ради блага государства, «без этого разве можно жить по закону?», – спрашивал Сократ³².

Как известно, законы играют особую роль в праве. Уже в эпоху архаики греки различали божественные законы и человеческие. Благодаря законам Солона, Драконта и других греки пришли к осознанию правового позитивизма. Закон стал основой полиса, благом. Властвует только закон, только благодаря ему образуется сообщество. Закон гарантировал свободу. Настоящая свобода заключалась в подчинении закону. Несмотря на большое уважение к закону, в У в. до н.э. его начали оспаривать. Релятивистская доктрина софистов заключалась в том, чтобы во всем сомневаться, так как законы, лишённые божественной основы,

становились лишь делом рук человеческих, значит, в них можно усомниться. Законы, по их мнению, не являются неизменными, они отражают место, время, эпоху, простое соглашение, конвенциональность, интересы. Софисты вообще отрицали абсолютные ценности, соответственно, по их мнению, человеческий закон не мог быть отражением истины и справедливости. Псефисмы были постановлениями Народного собрания, то есть устанавливались по уговору, а значит, их можно изменять.

Философы (среди них Сократ) пытались в софистике найти добродетель и возможность ей научиться. Несмотря на обещания, софисты не могли научить добродетели, то есть этическая цель не могла быть достигнута. По мнению Сократа, если добродетель – знание, то ей научить можно, если она что-то иное, то нельзя. Софисты имели в виду искусство государственного управления и обещали делать людей хорошими гражданами. Софист Протагор считал, что можно научить добродетели: «Без добродетели нет государства, и ей надо учить». Однако часто софисты впадали в противоречие со своими собственными утверждениями: «Софисты – учителя мудрости – в остальном действительно мудры, но в одном случае поступают нелепо: они называют себя наставниками добродетели, но часто жалуются на учеников, которые их обижают, отказывая в вознаграждении и других знаках благодарности за науку и доброе обхождение. Это же верх бессмыслицы!». Одним только ораторам и софистам, на мой взгляд, не пристало бранить своих воспитанников в неблагодарности, ибо тем самым они обвиняют и самих себя – в том, что не принесли пользы, которую обещали»³³. Знаменитый софизм Эватла хорошо иллюстрирует эту ситуацию.

В постановке вопроса о добродетели просматривается поиск правил поведения, соответствующих благу государства. Хотя софисты обещают научить добродетели, в Никомаховой этике Аристотель пишет следующее: «А кто из софистов обещает научить (искусству управлять государством), слишком явно далек от того, чтобы это сделать. Софисты ведь вообще не знают ни того, что такое (политика), ни к чему она имеет отношение, иначе они бы не ставили ее в один ряд с риторикой или ниже ее и не думали, что легко дать законодательство, собрав законы, пользующиеся доброй славой»³⁴.

Во времена Аристотеля процесс размежевания искусств проявился еще четче и, судя по жанрам речей, приобрел институциональный характер. Это может служить подтверждением рождения искусств (в том числе и права) из словесности. Отметим, что толпа плохо видела тонкие различия между софистами. Аристофан в своей пьесе «Облака» высмеивает Сократа, для него он софист, сидящий в своей «мыслильне». Сократ действительно был «софистом», но в положительном смысле слова, «философский метод – рассуждать против всех положений и ни об одном предмете не высказывать прямо своего мнения – получил начало от Сократа...»³⁵.

В диалоге Горгий Платон представляет суть искусства софистов. Сам Горгий предлагает называть себя оратором, ибо он сведущ в красноречии и готов другого сделать оратором. Особенностью рассматриваемого этапа культуры является то, что «дело» (решение суда, Народного собрания), решения частных споров достигаются теперь словом, а не ордалиями, не кулачным правом и не криком. Все достигается словом – окончательный переход к дискурсу произошел. Именно в этом ключе следует толковать слова Горгия «способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ – величайшее благо и дает людям свободу и власть над другими людьми». Это явление было относительно новым. На поиск Сократом справедливости Горгий отвечает: «К красноречию надо относиться так же, как ко всякому прочему средству состязания»³⁶. Не к этому ли моменту восходит идея состязательности процесса?

Пытаясь разобраться, чем оратор отличается от знатока, Сократ отмечает, что красноречие – это мастерство убеждения, внушающее только веру в справедливое и несправедливое. При этом задачу поучения оратор не ставит. Вопрос о состязательности, агона, выигрыша, который получил развитие в судебном процессе, был вполне актуальным в словесности V в. до н.э. Сократ критиковал софистов за их приемы: «Они делят «в словесные силки»³⁷. Он показал, как действуют софисты, как они играют словами, используя двойные смыслы и многозначность слов. Их рассуждения так искусно изобретены, что в самый небольшой срок они обучают словесным трюкам, готовым аргументам, дающим возможность одержать верх в споре, но сути предмета обучающийся от них не узнает. Как подчеркивает Сократ, если им придется выступать среди специалистов, например среди врачей, то врачи сразу поймут, что софисты по сути совершенно несведущи, однако речь их будет ловко организована. Объясняя технику софистов, Сократ различает два вида сути: с одной стороны, знание предмета (понятно, что этому быстро нельзя научиться); с другой стороны, морально-этические принципы – истина, справедливость, добро, добродетель и т.д. Он доказал, что софисты не стремятся к установлению истины, для них важнее правдоподобие, чтобы выиграть в споре, убедить, одержать победу в словесной игре. И опять антиномия: правдоподобие – истина. Эта антиномия есть и в судебном процессе.

Когда трудно установить истину, устанавливается правдоподобие (по-французски *plausibilité*), которое происходит от латинского *plaudere* – аплодировать, хлопать, одобрять, *plausibilis* – заслуживающий одобрения, достойный похвалы. Вопрос об истине так и остался нерешенным, как не решен вопрос о добродетели, при этом у судьи своя добродетель, у прокурора своя. Хорошо ли это или плохо – решает этика. Этически справедливость должна быть одна. Как указывалось, истину доказывать не надо, когда надо доказать то, что не является истиной, возникает риторика.

Софисты обучают искусству сочинения речей с целью завораживания и заговаривания судей, народных представителей и толпы, как говорит Сократ. Красноречие не искусство, это скорее сноровка, ловкость, угодничество. «Ведь каждый радуется, когда слышит речи себе по нраву, а когда не по нраву – сердится»³⁸. По этой причине Сократ не смог защититься в суде, так как он не стал прибегать к хитрым уловкам, чтобы убедить толпу, что и описано в «Апологии Сократа».

Если софисты такие плохие, ничему не учат, вводят в заблуждение, откуда у них такая слава, почему им платили деньги за обучение? Как Протагор мог в течение 40 лет учить таким образом, незаметно для всей Эллады? И добрая слава его не покидала? С одной стороны, софисты пользовались большой популярностью, спросом. К ним шли учиться ораторскому искусству, а они прибывали в разные города, рекламировали свое искусство, делали публичные выступления. Это является подтверждением практической роли слова в жизни Греции того периода. Благодаря слову стало возможным выиграть процесс, и этому учили софисты, риторы.

С другой стороны, отрицательное отношение к ним приводило к тому, что в Спарте им вообще не позволялось появляться, некоторые совсем не хотели посылать к ним детей на учебу. Сократ говорил: «Речи вроде ваших любезны лишь немногим людям, похожим на вас, другие же о них столь низкого мнения, что, я знаю, более стыдились бы опровергать с их помощью собеседников, чем быть опровергнутыми»³⁹.

Эта фраза объясняет, почему во время процесса Сократ не унился до приемов софистов, хотя прекрасно знал их технику и мог бы воспользоваться ею, чтобы склонить судей на свою сторону. Сократ их критикует за то, что они обещают за деньги научить всему, но, по существу, учат лишь искусству ведения спора (Гипсий использовал заготовленные образцы доказательств) безотносительно к конкретным сферам и знаниям. Это значит, что они были сильны среди толпы, среди невежд, а не среди специалистов в какой-либо конкретной области.

Софист «приобретает доверие толпы не наставлением, а убеждением», по мнению Сократа, «у толпы», значит, у невежд. «Толпа ведь, попросту говоря, ничего не понимает, и что те затянут, тому и подпевает». «Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки»⁴⁰. Необходимость знания существа дела была подтверждена в дальнейшем. В I в. до н.э. ораторов будет критиковать Цицерон за то, что они не знают существа дела.

Сократ не отказывает софистам в ловкости, умении играть словами, создать впечатление, убедить – вполне положительное качество, если его правильно использовать. Эти навыки заставляли их обращаться к словесности, грамматике, риторике. Но Платон и Сократ озабочены государственными делами, вопросами философии и права и

влиянием софистики и риторики на воспитание молодежи в связи с основополагающими задачами общества: благом, справедливостью, истиной. Они считали воспитание молодежи главной целью в жизни, которое также объясняется стремлением к благу.

Приемы софистов были основаны на заключенных в одном слове противоположных смыслах, в том числе и в отношении истины, поэтому всегда можно утверждать и за и против (*pro et contra*). Горгий «обещает ответить на любой вопрос». Ни один вопрос его не озадачил, «как ни мало говорил Пол, а уже ясно, что он больше искушен в так называемой риторике, чем в умении вести беседу»⁴¹ (здесь видно отличие риторики от умения вести беседу, то есть диалектики). Надо дать точный ответ на вопрос «что за искусство и как нужно Горгия называть», если он сведущ в ораторском искусстве, его надо называть «оратором», и другого он может сделать «оратором».

Положительное у софистов – внимательное отношение к языку. Поскольку методы софистов были основаны на использовании «словесных уловок», они работали с языком и способствовали его развитию. Софисты разрабатывали теорию словесности, «значение букв и слогов, ритмов и гармоний». Они обратили внимание на форму языка, так как им нужен был тонко разработанный язык (неразработанность языка приводила к многочисленным ошибкам). Продик призывает изучать «правильность имен». Софисты внесли свой положительный вклад в дело изучения языка, синонимии (Продик), философии языка (Горгий), иначе говоря, языка как самостоятельной сущности.

О вкладе софистов в дело изучения языка отдельно от логоса пишет Т.Гомперц⁴². Несмотря на то что практическое владение словом было очень высоким, до софистов «не было сделано даже попытки отдать себе отчет в правилах языка». Софист Протагор был искусным и просвещенным учителем, он первым ввел преподавание грамматики, «до него не было ни одной, хотя бы самой скромной попытки различать и расчленять формы языка и сводить их к основным положениям». Хотя различия между глаголом и существительным были видны в языке, точно установлены они не были.

Грамматические исследования Протагора отражены в его книге «Правильность речи», в которой, познавая нормы языка, он дал руководство к правильному употреблению. «Он первый указал на различие времен глаголов и на формы предложений», разделяя их на «желание, вопрос, ответ, приказание». Эти последние выражались 4 наклонениями: условным, сослагательным, изъявительным и повелительным». Интересны попытки Протагора присвоить тот или иной род существительному. Он считал, что род существительного *ménis* (гнев), например, должен быть мужским, а не женским. Как пишет Т. Гомперц, «ни в какой части языка не сохранились так ясно следы процесса роста языка, как в грамматическом роде существительных неодушевленных». Многие языки смотрят на неживое как на одушевленное, а значит, различая мужское и

женское. Т. Гомперц пытается объяснить родовые различия существительных семантикой, присущей тому или иному роду, так как именно «в эпоху еще свежей творческой силы языка влияние содержания превышало влияние форм».

В диалоге Горгий Сократ говорит об искусстве правосудия, признавая его выше всего остального⁴³: «Значит, опять-таки если оно всего прекраснее, то либо доставляет наибольшее удовольствие, либо наибольшую пользу, либо то и другое вместе?» Сократ довольно редко использует термин «право». Мы его встречаем в Кратиле⁴⁴. В этом диалоге, посвященном именованию вещей и установлению имен, Сократ отводит праву основополагающее место, подчеркивая его верховенство и указывая, что имя «справедливость» установлено ведению права, «а вот самое имя «право» понять трудно», поскольку «большая часть вещей просто движется, а есть еще нечто такое, что проникает все остальное, благодаря чему и возникает все рождающееся... Если это проникающее начало правит всем остальным, то оно справедливо называется «правом»».

Всепроницающий характер права он подтверждает следующими словами: «Право есть то же, что и причина, ведь то, что правит возникновением вещей, это же одновременно и их причина...». И еще одно определение права, подтверждающее, что «право – это ум, как указывает Анаксагор, ибо ум независимый и ни с чем не смешанный все упорядочивает, проникая все вещи». В этом объяснении имени «право», с одной стороны, виден диалектический путь поступательного рассуждения Сократа, с помощью которого он «узнает», что такое право. С другой стороны, значение этих рассуждений содержится в самом определении права как всеобщем проникающем начале.

Обучая технике составления судебных речей, софисты также обсуждали вопросы права. Например, кого признать виновным, если в военной игре один из участников копьем убил своего товарища: метателя копья, устроителя игр или само копье. Третья альтернатива не является экстраординарной, так как в древности (в Средние века и в более позднее время) организовывали процессы, например, над животными. Они были известны греческому праву, римскому, славянскому и т.д.). В «Афинах очищали оружие и другие предметы, причинившие смерть кому-нибудь, и относили их на границу страны»⁴⁵. Особое отношение к чистоте своей земли, неосквернение ее, по-видимому, тоже один из элементов регулирования. Подтверждением этому являются формы суда над преступниками, которые не должны были ступать на священную землю, или изгнание осужденных из страны.

Релятивизм софистов проявлялся и в отношении к религии. Известно знаменитое изречение Протагора: «О богах не могу знать ни то, что они есть, ни то, что их нет...». Хотя софисты работали над красноречием (так Сократ называет «риторику») и убеждением, их приемы с методологической точки зрения искусством не стали. Ответ софистам дал прежде всего Платон. В лице Сократа он по-

казал, каким должен быть софист в положительном смысле. Вслед за ним Аристотель, критикуя софистов и используя их положительные приемы, практически указал путь к риторике, определив направление ее движения не по пути к красноречию, а по пути к методологии наук и искусств, то есть риторика должна не убеждать, а «искать пути убеждения».

Таким образом, на основе общефилософского релятивистского подхода человек – «мера всех вещей» софисты пошли по пути использования возможностей слова, словесных манипуляций, ухищрений, в то время как Сократ призывал использовать суть предмета, но для этого необходимо знать существо дела и стремиться к выяснению истины. Вклад софистов следует оценивать, как было показано, с точки зрения перехода от материальности отношений в сторону виртуальности – развития словесности, отделения языка от логоса. При переходе к виртуальности произошло расщепление понятий. Оказалось, что виртуальность имеет внешнюю форму (язык) и внутреннее содержание (логос). Оценка релятивизма софистов с позиции развития субъективных прав, а тем более прав человека (что иногда делают юристы) представляется неправомерной, ибо это приводит к перенесению современных понятий на чуждую им почву.

Анализ, проведенный в данной статье, показал распределение целей и предназначений искусств словесности, основанное на неоднозначности, двойственности смыслов. Эристика (выигрыш в

споре), диалектика (поиск истины с помощью вопросов и ответов), софистика (выигрыш в споре любой ценой безотносительно к истине) демонстрируют взаимосвязь и целостность и являются предпосылками возникновения риторики. Риторика пришла им на смену, вобрав их приемы, поставив цель выигрыша в споре, воздействия на группу людей, а не на отдельного собеседника, как это было в диалектике, путем переубеждения. Поэтому неправильно рассматривать риторику отдельно от этих искусств и от действовавших в обществе институтов.

Rekoch K.H. Arts of eristic, of dialectic and of sophistry as premises of legal discourse development.

Summary: Discourse arts of ancient Greece demonstrate in the V century BC division of discourses, and are seen as premises of rhetoric, which marked institutional differentiation of speeches and predestinated legal discourse. The purpose of the following analysis is to show cohesion, coherence and mutual dependence of discourse arts as premises of rhetoric. Sophists confirmed with their example the dichotomies of utterance meanings and though they didn't create eloquence art, they laid a way to rhetoric, laid down foundation for language studying, having isolated it from Logos, and also developed techniques of judicial speeches and legal discourse. Criticizing sophists, using their positive methods, Socrat, Platon and later Aristotle defined, on the basis of syllogism, the direction of evolution of rhetoric not as practical eloquence but mainly as methodology of sciences and arts.

Ключевые слова

Искусства диалектики, эристики, софистики, риторика, оратор, релятивизм софистов, словесная игра, знание существа дела, истина, правдоподобие, составительность, добродетель, противоположные смыслы.

Keywords

Arts of dialectics, of eristic, of sophistry, rhetoric, orator, relativism of the sophists, words game, knowledge of substance, truth, plausibility, competitiveness, virtue, opposite meanings.

Примечания

1. Тит Лукреций Кар. О природе вещей /Пер. с латин. Ф.Петровского; Вступ. статья Т.Васильевой; Худож. В.Носков. М.: Худож. лит. 1983. 383 с. 7л. ил. (Б-ка античн. лит-ры). Книга первая (832). С. 48, Книга третья, С. 100.
2. Цицерон Марк Туллий. О природе богов/ Пер. с лат. С.Блажеевского. СПб.: Азбука-классика, 2002. С.39.
3. В отличие от эристики (от греч eristikos – спорящий) эвристика (от греч heurisko – отыскиваю, открываю) – наука, изучающая творческую деятельность, методы, используемые для открытия нового и в обучении Философский словарь. С. 543, 530)
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. Мн.: Харвест, 1999. 752 с. (Классическая философская мысль). С. 679.
5. Платон, Собрание сочинений, Т. 1, Изд. «Мысль», 1994, 860с. Менон, С.581.
6. Ibid. Кратил. С. 622.
7. Платон, Собрание сочинений, Т. 3, М.: Изд. «Мысль», 1994, 654с, Филеб, С.67.
8. Ibid. т.1. Менон. С. 581.
9. Ibid. т.3. Государство. С.317, 319, 317.
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб.: Наука. 2001. 423 с. (Публ. по изданию: Гегель. Сочинения. т.Х. Партийное издательство. 1932). С.47.
11. Платон. Собрание сочинений, т. 2. 528с. С. 274.
12. Аристотель. Сочинения в четырех томах, М.: Изд. «Мысль», Т.2, 1984, 830 с. , С. 555–556.
13. А. Шопенгауэр. Эристическая диалектика в сб. Логика и риторика: хрестоматия: учеб. пособие для студентов гуманитар. Специальностей учпеждений, обеспечивающих получение высш. образования/ авт.-сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич 2-е изд., доп и перераб. Мн.: Тетра Системс. 2007. 786с. 1-е изд. 1997. С. 414, 415.

■ Филология

14. Платон, Собрание сочинений, Т. 1, с.182, Т.2 С.75.
 15. Гомперц Т. Греческие мыслители., С. 427.
 16. Аристотель. Риторика, III,18, 1419, С. 163.
 17. Гомперц Т. Греческие мыслители, С. 432, 471.
 18. Ibid. С. 471,
 19. Платон. Собрание сочинений. т. 1, С.568-569.
 20. Ibid. т.2. Теэтет. С. 203.
 21. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. С.248.
 22. Платон. Собрание сочинений. т. 2. С.177.
 23. Ibid. т.1. С.162.
 24. Ibid. т1. С.426.
 25. Ibid. т.1. Горгий, С.547.
 26. Ibid. С. 548, 555-563.
 27. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии, С.244.
 28. Ibid., Т.2. Теэтет, С.203.
 29. Ibid., Т.1. Менон, С. 610.
 30. Ibid., Т.1. Горгий, С.490.
 31. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии, С.80.
 32. Платон., Т.1. С. 389, 390.
 33. Ibid. Т.1. С. 436-437, 565.
 34. Аристотель. Сочинения в четырех томах, т.4. С.292.
 35. Цицерон Марк Туллий. О природе богов. С.40
 36. Платон. Собрание сочинений. т.1. С. 484, 488.
 37. Ibid. т.1. С. 188.
 38. Ibid. т.1. С.558.
 39. Ibid. т.1. С. 199.
 40. Ibid. т.1. С.491, 492.
 41. Ibid. т.1. С.478, 479.
 42. Гомперц Т. Греческие мыслители., С. 449, 450, 451
 43. Платон. Собрание сочинений, Т. 1, С.516, 517.
 44. Ibid. Т.1 С. 648-649.
 45. Гомперц Т. Греческие мыслители, С. 454.
-